

Екатерина II и Монтескье в их политических воззрениях

В. Е. ВАЛЬДЕНБЕРГ

В нашей литературе прочно установилось мнение о громадном влиянии, которое оказало сочинение Монтескье "De l'esprit des lois"² на "Наказ". Но в чем именно было это влияние, каковы его размеры и характер, это представляется еще недостаточно выясненным, а потому спорным. Одни, иллюстрируя слова самой Екатерины, что она обобрала Монтескье, представляют это влияние как чистое заимствование и рабское подражание, и на этом основании склонны отрицать у автора "Наказа" самостоятельную мысль. Сюда же относятся исследователи, которые отыскивают в "Наказе" следы заимствований из сочинений Монтескье и этим думают исчерпать вопрос об отношении между двумя литературными памятниками.

Другие считают, что Монтескье послужил для Екатерины не только кладезем, из которого она черпала готовые мысли, но еще и отправной точкой для выработки собственных воззрений, и что Екатерина находила нужным в некоторых случаях резко и существенно отступать от Монтескье. В этом смысле исследователи находят возможным говорить о самостоятельной политической теории императрицы Екатерины, изложенной ею в "Наказе"³.

В последнее время этот второй взгляд приобретает все новых сторонников. Иначе и не могло быть. Достаточно иметь в виду, что Монтескье проповедует представительную форму правления, говорит о политической свободе и гарантии ее видит в разделении властей, т.е. проводит идеи, для которых Россия во время Екатерины не представляла ничего соответственного, и которых нет и в "Наказе", чтобы признать невозможным рабское следование ему со стороны Екатерины. Поэтому, если говорить о сочинении Монтескье и разуметь при этом не какие-нибудь случайные его мысли, а существенные характерные черты его теории, то, несмотря на текстуальное сходство статей "Наказа" с теми или другими параграфами "Духа законов", его влияние на Екатерину можно понимать только в том смысле, что он возбуждал ее мысль, собственное же его учение ей приходилось приспособлять к своим идеям и планам. Это ясно. Неясным же остается, в чем именно заключалось это приспособление? Раз только учение Монтескье являлось в "Наказе" не в подлинном своем виде, а в значительно измененном, то сам собой напрашивается вопрос: как далеко шло изменение? Происходило ли оно всегда так, что касалось лишь потребностей той или другой мысли, самая же мысль оставалась нетронутой, или же в некоторых случаях получалось полное искажение мысли? Хороший материал для освещения этого вопроса дает сопоставление учения "Наказа" о формах правления и о политической свободе с соответственными частями сочинения Монтескье. По учению Монтескье, монархия возможна только в среднем по размерам государстве⁴. Как только оно переходит эти размеры, умеренная форма (*gouvernement modéré*) непременно превращается в деспотию: "Un grand empire suppose une autorité despotique dans celui qui gouverne. Il faut que la promptitude des résolutions supplée à la distance des lieux où elles sont envoyées" (VIII, 19) [1].

Статья 10 "Наказа" в его французском оригинале представляет совершенно точное, буква в букву, повторение этой главы, но с тем отличием, что выражение *ai-*

² Текст приводится по изданию *Montesquieu Ch. De l'esprit des lois*. Paris, 1869.

³ Характеристику обоих взглядов см. в статье Ф.В. Тарановского. Политическая доктрина в "Наказе" императрицы Екатерины II // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову, 1904. С. 63 и сл. – Сам автор примыкает ко второму взгляду.

⁴ VIII, 17, 1: Un etat monarchique doit être d'une grandeur médiocre. В дальнейших цитатах из Монтескье римская цифра означает книгу, первая арабская – главу, вторая арабская – абзац.

torité despotique заменено выражением *autorité souveraine* и вместо *celui* поставлено *personne*: "Un grand empire suppose une autorité souveraine dans la personne qui le gouverne. Il faut... и т.д. "

В русском переводе эта статья передана так: "Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит"⁵. На первый взгляд может показаться, что перед нами как раз пример рабского следования Монтескье, но при ближайшем рассмотрении дело оказывается иначе. Термином *souveraine* [2] Монтескье обозначает верховенство власти независимо от того, кому она принадлежит. Во II. 2 он говорит, что и в демократии, и в аристократии власть одинаково суверенна – с той только разницей, что в одном случае она принадлежит всему народу, а в другом – некоторой части его. Поэтому он не мог бы сказать, что обширное государство требует суверенной власти: в обширном она должна быть столь же суверенна, как и в небольшом, следовательно, заменой одного термина другим (видового – родовым) Екатерина, прежде всего, обесцветила мысль Монтескье, что с его точки зрения, сказано, что обширное государство предполагает суверенную власть, значит, в сущности, ничего не сказано. Но она сделала больше. В монархии и в деспотии власть одинаково суверенна и одинаково принадлежит одному лицу; разница лишь та, что монарх правит по *lois fixés* [3], а деспот *sans loi* (II, 1) [4]. Следовательно, Монтескье хотел сказать, что обширное государство требует управления, не ограниченного законами. Заменяла ли Екатерина *despotique* термином *souverain* только потому, что ей нравилось это выражение, или она и по существу держалась другого мнения? Интересно отметить, что и в "Наказе", и в других сочинениях императрицы Екатерины, написанных уже после знакомства с Монтескье, нигде не встречается слово деспотия в применении к России. Но в то же время она находит возможным говорить о тирании. Так, в ее "Записках" находится одна заметка, которая начинается словами: "Неудивительно, что в России было среди государей много тиранов"⁶. Монтескье также наряду с деспотией знает и тиранию. Правда, терминология его в этом пункте, как и во многих других, не вполне выдержана. Иногда тирания у него есть просто синоним деспотии, и в одной и той же главе он говорит о превращении демократии то в деспотию, то в тиранию (VIII, 2. 7–8). Но в других случаях он обозначает словами "тирания" особое понятие. Так, следуя за изменениями наказаний в римском праве, Монтескье останавливается на законах Суллы. Сулла, говорит он, соединил вместе тиранию, анархию и свободу; и далее он обсуждает изданные им уголовные законы (VI. 15, 8). Уже из этого видно, что тирания здесь не совсем то же, что деспотия: ведь деспотия, по определению Монтескье, характеризуется отсутствием законов, а здесь мы, напротив, имеем законодательную деятельность. Очевидно, речь идет не о форме правления как о чем-то длительном и постоянном, а о способе употребления власти данным ее носителем, именно о беспощадном и жестоком управлении, причем эти качества могут проявляться не только в индивидуальном распоряжении, но и в законах. Можно думать, что и Екатерина, говоря о тиранах на русском престоле, имела в виду такого же рода отдельные и случайные явления, т.е. только злоупотребления власти, но не форму правления. Относительно же формы правления в России она была определенно другого мнения, и *souveraine* на ее языке, как и у Монтескье, не означает управления без законов. "Наказ", ст. 9 говорит: "Le monarque de la Russie est *souverain*. И далее поясняется значение этого термина: Il n'y a qu'un pouvoir unique, résidant dans sa personne qui puisse agir convenablement à l'étendue d'un empire aussi vaste" [5]. Академическое издание "Наказа" приводит как источник этой статьи "Esprit des lois" XI. 6, 31. Если это не опечатка, то нужно признать это указание неудачным: здесь нет никакого сходст-

⁵ Французский и русский текст "Наказа" приводится по изданию Академии наук под редакцией И.Д. Чечулина. СПб., 1907.

⁶ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 658.

ва⁷. Статья эта выражает, по-видимому, собственную мысль Екатерины, скомбинированную, может быть, под воздействием Монтескье, но не заимствованную у него в готовом виде. Монарх суверенен или (в русском переводе) самодержавен в том смысле, что весь суверенитет власти сосредоточивается безраздельно в его лице⁸. Что самодержавность в русском тексте означает не какой-нибудь особый вид или особый характер монархии, а просто монархию, как единовластие, это совершенно ясно вытекает из сравнения русского и французского текстов статьи 102. Во французском сказано: "dans un état monarchique" [6], а в русском – "в самодержавном государстве". В статье 107 то же самое французское выражение передано по-русски иначе: "в правлении единоначальном". Самодержавность или суверенитет, следовательно, вовсе не имеет значения власти, действующей без законов. А статья 12-я составляет начало законности уже вполне определенно: *il vaut mieux obéir aux lois sous un seul maître que de dépendre de plusieurs* [7]. Иными словами: императрица Екатерина и на самом деле имеет в виду не деспотию, а монархию, и притом монархию в том самом смысле, как ее понимает Монтескье. Таким образом, утверждая, что *un grand empire suppose une autorité souveraine dans la personne qui le gouverne* [8], Екатерина хочет сказать, что в обширном государстве возможна только монархия, а не аристократия и не демократия. Напротив, Монтескье утверждает, что в обширном государстве монархия-то именно и невозможна, а возможна только деспотия. Следовательно, *Екатерина высказывала мысль, прямо противоположную теории Монтескье*. Произошло это оттого, что один из них думал, что быстрое действие может быть обеспечено только при том условии, если верховная власть не будет ничем ограничена, а другой – что для этого достаточно соединения в одних руках всех функций власти, хотя бы управление основывалось на законах.

Возникает вопрос: насколько Екатерина, высказывая мысль, столь резко расходящуюся с мыслью Монтескье, отступила от учения Монтескье в его целом? Другими словами: не подал ли сам Монтескье повода к такому отступлению?

Можно было бы думать, что понятия монархия и деспотия разграничены у Монтескье вполне точно. В самом деле, это может быть яснее и проще того, что в монархии управляет один по законам, а в деспотии один без законов (II, 2)? Казалось бы, мы имеем здесь такой определенный признак, руководясь которым мы можем в каждом данном случае безошибочно сказать, что перед нами – монархия или деспотия? Но это далеко не так. Монтескье не выдерживает своей точки зрения, и если собрать все, что он говорит в других частях своего сочинения о различии между монархией и деспотией, то окажется, что у него не один признак, а несколько. Эти признаки не вытекают один из другого, и потому может быть так, что в одном случае налицо один признак, а в другом – другой.

Тогда же мы свободны отдать предпочтение тому или другому признаку, смотря по тому, какой нам кажется важнее.

---

⁷ Вот это место: *Ainsi la puissance législative sera confiée et au corps de nobles, et au corps qui sera choisi pour représenter le peuple, qui auront chacun leurs assemblées et leurs délibérations à part, et des vues et intérêts séparés.* (Таким образом, законодательная власть будет доверена и собранию благородных, и представителям народа, которые будут иметь свои ассамблеи и свои отдельные совещания, свои отдельные интересы и цели – пер. публикатора). С большим основанием можно было бы видеть такой источник в XI. 6. 36: *La puissance exécutrice doit être entre les mains d'un monarque, parce que cette partie du gouvernement, qui a presque toujours besoin d'une action momentanée, est mieux administrée par un que par plusieurs; au lieu que ce que dépend de la puissance législative est souvent mieux ordonné par plusieurs que par un seul.* (Исполнительная власть должна быть в руках монарха, так как эта часть правления, которая почти всегда нуждается в действии моментальном, лучше исполняется одним, чем многими, напротив, то, что зависит от законодательной власти, лучше устраивается многими, чем одним – пер. публикатора). Но и здесь говорится только об исполнительной власти, а не о всей полноте ее.

⁸ В "черновых" набросках к "Наказу" это выражение может быть еще яснее: *"Le monarque doit être souverain. Sa puissance ne peut être partagée"*. Указ. соч. С. VII.

Положение, выставленное в II, 2, что в деспотии управляет один без всяких законов, почти буквально и столь же категорично повторяется в VI. 3: "Dans les états despotiques il n'y a point de lois" [9]. Но в V книге эта формула значительно смягчена. Глава 11 этой книги, посвященная превосходству монархического правления, заканчивается словами: "les monarques qui vivent sous les lois fondamentales de leur Etat, sont-ils plus heureux que les princes despotiques, qui n'ont rien qui puisse régler le cœur de leurs peuples ni le leur" [10]. И в главе 14, 22 "Comment les lois sont relatives au principe du gouvernement despotique" [11] читаем "Dans les Etats où il n'y a point de lois fondamentales, la succession à l'empire ne sauroit être fixe" [12]. Отсюда вытекает, что отличие деспотии от монархии состоит не в отсутствии каких бы то ни было законов, а только в отсутствии *законов основных*. А что там вообще могли быть законы, об этом свидетельствует уже только что приведенное заглавие V. 14 [13]. Первая фраза этой главы исходит, очевидно, из той же мысли, когда утверждает, что в деспотии "il ne faut pas beaucoup de lois" [14]. Такой же вывод можно сделать из 1 главы VI книги, где читаем: "Le gouvernement monarchique ne comporte pas des lois aussi simples que le despotique" (абз. 1) [15]; и далее говорится, что в деспотических странах "il n'y a presque point de lois" [16]. Таким образом, по одному вопросу мы имеем пять формул: 1) в деспотии нет никаких законов; 2) в деспотии нет основных законов; 3) в деспотии нет почти никаких законов; 4) в ней немного законов; 5) законы в ней отличаются примитивностью. Какой большой простор для выводов! Но это только по одному вопросу. Наряду с этим Монтескье выставляет еще следующие черты отличия монархии от деспотии:

1) Различный характер повиновения (la manière d'obéir), который объясняется не различными объемами власти (le pouvoir est le même) [17], а только тем, что в монархии государь обладает просвещением (le prince a des lumières), а министры опытни в делах (III. 10, 8).

2) Наличие дворянского сословия в монархии и отсутствие его в деспотии (II. 4, 2).

3) Хранилище законов в монархии и отсутствие его в деспотии: "dans les états despotiques, où il n'y a point de lois fondamentales, il n'y a non plus de dépôt des lois" (II, 4, 11) [18].

4) Неограниченность власти подчиненных учреждений в деспотии и ограниченность ее в монархии. "Dans le gouvernement despotique le pouvoir passe tout entier dans les mains de celui à qui on le confie. Dans le gouvernement monarchique le pouvoir s'applique moins immédiatement, le monarque, en le donnant, le tempère" (V. 16, 1) [19].

5) Покупка должностей в монархии и невозможность этого в деспотии (V. 19, 4me question).

6) Формальность и сложность судебного процесса в монархии и отсутствие этого в деспотии (VI. 2).

7) Отделение судебной власти от административной в монархии и отсутствие этого отделения в деспотии (VI. 5, 5; XI. 6, 7).

8) В некоторых случаях, говоря о разделении властей, Монтескье выражается так, будто, где нет разделения, там нет и настоящей монархии, а есть деспотия. Так, в XI. 7 он говорит, что в современных монархиях власти распределены "sur le modèle" [20] английской конституции, и если бы этого не было, "la monarchie dégénérerait en despotisme" [21]. В XI. 9 он говорит, что в древности не знали разделения властей и потому не имели настоящего понятия о монархии. В XI. 12, что деспотия Тарквиния Гордого [22] состояла именно в том, что он соединил в своих руках все три власти.

Легко понять, какую путаницу создает это обилие признаков, если мы будем стремиться к логической разделенности понятий. Сам Монтескье принужден был признать возможность *промежуточных форм* государственного устройства – того, что он называл *gouvernement imparfait* (III. 11) [23]. Поэтому и суждения его о России были довольно сбивчивы. То он утверждал, что Россия *cherche à sortir du despotisme* (V. 14, 14) [24], и в то же время признавал в России наличие основных законов (*les*

constitutions de Moscovie – V. 14, 24), то в качестве примера деспотий прямо приводил Россию (XIII. 6).

Императрица Екатерина имела полное право, основываясь на этой сбивчивости понятий, составить свое понятие о монархии. Государственный строй России, несомненно, не мог быть отождествлен с деспотией Монтескье. Этому препятствовали наличием развитой системы законодательства, сложность судебного процесса, просвещенность государя и проводимое в "Наказе" отделение судебной власти от органов полиции (статьи 562–566), не говоря уже о том, что, по взгляду Монтескье, деспотия предполагает тропический климат, соответственный этому характер жителей и т.п. (V. 15). Но и для монархии по классификации Монтескье ему не доставало очень существенного: привилегий дворянства до покупки судебных должностей включительно. Это, очевидно, нечто среднее, некоторый особый вид монархии⁹. А раз так, то нет ничего логически несообразного в том, чтобы эту *особую* монархию признать вполне отвечающей условиям обширного государства. Таким образом, отступление от учения Монтескье в этом вопросе находит себе достаточное оправдание в его непоследовательности.

2.

Из всего содержания книги Монтескье наиболее значительным было его учение о свободе в связи с учением о разделении властей. Именно это учение оказало сильнейшее влияние и на политическую литературу, и на политическую историю. Екатерина восприняла учение Монтескье о свободе, но отвергла разделение властей. Для характеристики приемов "обирания" Монтескье любопытно проследить отношение к этому вопросу обоих авторов.

Монтескье, как известно, различал политическую свободу в двух ее смыслах: *dans son rapport avec la constitution* [25], чему посвящена XI книга "Духа законов", и *dans son rapport avec le citoyen* [26], о которой говорится в XII книге. Политическая свобода в ее первом значении устанавливается, по учению Монтескье, основными законами государства, именно определенным распределением (*distribution*) трех властей. Напротив, политическая свобода гражданина зависит не от законов, а от нравов, обычаев, установившихся привычек; законы, и то не основные, а гражданские, могут только ей более или менее благоприятствовать (XII. 1). Монтескье не довольствуется каким бы то ни было распределением властей, но настаивает на необходимости именно такого распределения: законодательная власть принадлежит двухпалатному парламенту, исполнительная – монарху, а судебная – суду присяжных (XI. 6).

В "Наказе" понятие свободы посвящены последние четыре статьи II главы, 36–39 статьи V главы и первые четыре статьи VI главы. Статьи 36–39 излагают ложное и истинное понимание свободы. Ложное понимание отождествляет ее с возможностью делать все, что хочешь, истинное же определение ее состоит в возможности делать все, что дозволено законами. Это – буквальное повторение с очень незначительными и маловажными отступлениями, того, что заключается у Монтескье в XI книге, гл. 3 и гл. 6 абз. 3. Императрица Екатерина оставила эти определения во всей их неприкосновенности и со всеми их недостатками. В XI. 3 Монтескье ставит рядом два определения политической свободы

1) *la liberté ne peut consister qu'à pouvoir faire ce que l'on doit vouloir* [27], и 2) *la liberté est le droit de faire tout ce que les lois permettent* [28].

Здесь неясно, как относятся одно к другому оба определения. Одно ли и тоже – делать только то, чего должно хотеть, и делать то, что дозволено законами? Одно с другим совпадает, очевидно, только в том случае, если законы предписывают именно то, что нравственность предписывает нам делать. Но если мы имеем тираничес-

⁹ Тарановский. Указ. соч. С. 70.

кие законы, то может оказаться, что они предписывают обычно противное нравственному долгу или, наоборот, запрещают делать то, что предписывает нравственность. Очевидно, тогда первое из определений будет уже неуместно. А второе определение таково, что оно приложимо ко всем системам законодательства, как бы различны и даже противоположны они не были. На пустоту этого определения указывает уже Б. Констан [29]. Затруднение увеличивается, если присоединить сюда третье определение, находящееся в 6 главе XI книги: свобода политическая есть спокойствие духа, проистекающее от сознания своей безопасности. О чем здесь идет речь? То же ли самое понятие свободы здесь имеется в виду, что и в предшествующих определениях, и эту формулу нужно рассматривать, как то же определение, но только при помощи других слов? В таком случае, с какой целью одно и то же понятие определяется несколько раз? А если здесь говорится уже о другой свободе, то какая это свобода? Монтескье еще больше усиливает все эти недоразумения тем, что в книге XII, которая посвящена свободе политической *dans son rapport avec le citoyen* буквально повторяет (в главе 1 и 2) только что приведенные определения – несмотря на то что раньше оно было дано в 6 главе XI книги, где говорится о политической свободе *dans son rapport avec la constitution*.

В статьях 36–39 "Наказа" эти определения помещены одно за другим и совершенно так же, как их автор, оставляют читателя в полном недоумении относительно их цели и взаимного отношения. По-видимому, перед нами пример самого рабского заимствования. Однако императрица умела, как это можно видеть и в других случаях, быть самостоятельной даже тогда, когда она слово в слово повторяет за своим учителем. В данном случае ее самостоятельность выразилась в том, что она вносит некоторую поправку в учение Монтескье. Констан находил недостаточным определение свободы как возможности делать то, что не запрещено законами, потому что здесь не объясняется, что могут и чего не могут запрещать законы. Истинная свобода, по его мнению, есть то, что человек может делать, и чего законы не могут ему запретить. В этом духе Екатерина и делает свою поправку. Статьи 41–44 "Наказа" он отводит вопросу о предмете и границах законодательства или, по выражению Констан, что могут и чего не могут запрещать законы. Согласно статье 41, законы могут запрещать только то, что "может быть вредно или каждому особенно, или всему обществу". Статья 42 решительно заявляет, что действия, не заключающие в себе элемента общественного вреда "нимало не подлежат законам". Следующая статья 43 дает формулу идеального отношения между законами и свободой. "Для нерушимого сохранения законов надлежало бы, чтобы они были так хороши и так наполнены всеми способами, к достижению самого большого для людей блага ведущими, чтобы всяк, несомненно, был уверен, что он ради собственной своей пользы стараться должен сохранить нерушимыми сии законы". Если, иными словами, законы будут запрещать только то, что действительно вредно для всех и каждого, тогда соблюдение законов будет в интересах лица и, следовательно, будет совпадать со свободой. "Наказ" здесь говорит, очевидно, о гармонии между пользой общей и пользой отдельного лица – о гармонии, которую имеет в виду Руссо, когда он искал такую форму общественного устройства, при которой каждый, повинувшись всем, виновался бы только самому себе. Статья 44 прибавляет: "И сие то есть самый высочайший степень совершенства, которого достигнуть стараться должна".

Нельзя не видеть в этих статьях весьма существенного дополнения к учению Монтескье. Свобода есть право делать то, что не запрещено законами; законы могут запрещать только то, что вредно обществу или отдельному лицу; следовательно, свобода есть право делать все, что не заключает в себе опасного вреда. И все статьи указания составлены императрицей Екатериной совершенно самостоятельно. Академическое издание "Наказа" приводит источник для одной только статьи 41 и видит его в книге XXIV глава 14 абз. 5 "Духа законов". Но это указание не может быть принято, в чем легко убедиться из сопоставления текстов:

"Наказ" статья 41

Il ne faut défendre par les lois rien que ce qui peut être nuisible à chacun en particulier, ou à la société en général [30].

"De l'esprit des lois" XXIV.14, 5.

Lorsque la religion condamne des choses que les lois civiles doivent permettre il est dangereux que les lois civiles permettent de leur côté ce que la religion doit condamner, une de ces choses marquant toujours un défaut d'harmonie et de justesse dans les idées, qui se répand sur l'autre [31].

Текстуального сходства здесь нет никакого, и по существу мысль "Наказа" иная, чем мысль Монтескье: первый говорит о разноречии между законодательством и пользой, а второй – о разноречии между законодательством и предписаниями религии. Текст Монтескье, самое большее, мог послужить только толчком для мысли Екатерины, а никак не ее источником. Если уже искать в книге Монтескье таких мыслей, которые могли подсказать автору "Наказа" путь для самостоятельного развития мысли, то с гораздо большим основанием, как кажется, следует указать на книгу XXI. 20, 1 и книгу XXIV. 14. 6. Вот эти места:

XXI. 20, 1 *Toutes les fois que l'on défend une chose naturellement permise ou nécessaire, on ne fait que rendre malhonnêtes gens ceux qui la font* [32].

XXIV. 14, 6. *Les lois, qui font regarder comme nécessaire ce qui est indifférent ont cet inconvénient, qu'elles font considérer comme indifférent ce qui est nécessaire* [33].

Первая из этих мыслей повторяется в "Наказе" статья 344 дословно, вторая в статье 461 – с некоторыми изменениями.

В "Наказе" нет главы или отдела, которые были бы специально посвящены политической свободе. Тем не менее можно утверждать, что учение о политической свободе составляет довольно важную и значительную часть "Наказа". Изложение его находится в главах VII, VIII, IX и XX. В главе VII, которая называется "Des lois en particulier" [34], говорится о разных родах преступлений; в VIII главе речь идет о наказаниях; в IX – о процессуальных законах. Наконец, в XX главе, которая во французском тексте носит неопределенное название "Differents points, qu'il faut éclaircir" [35], первый отдел говорит об отношениях в оскорблении величества, второй – о суде через комиссаров, третий – об обвинениях в волшебстве и еретичестве. Таким образом, политическую свободу гражданина Екатерина связывает с уголовным и процессуальным законодательством. Это вполне согласно с учением Монтескье, который именно здесь видит обеспечение политической свободы *dans son rapport avec le citoyen*. Книга XII "Духа законов", которая посвящена учению об этой свободе, говорит как раз об оскорблении величества и естественных наказаниях, об уголовном преследовании за один образ мыслей и т.д. Кроме этой книги, Екатерина воспользовалась для своей цели еще VI книгой, которая, хотя прямо не относится к учению о свободе, но весьма существенно затрагивает этот вопрос, так как говорит о различной степени случайности процессуальных порядков в зависимости от формы правления. Книга XII послужила источником для статей 67–80, 119–120, 467, 469–500, 512–517 "Наказа". Книга VI отразилась на статьях 81–115, 119–123, 128, 130–134. Кроме того, Екатерина воспользовалась еще 6 главой XI книги, теми местами этой главы, где Монтескье говорит об устройстве судебной власти; они дали материал для статей 126–127, 129, 135 и 136. Но во всех этих частях "Наказа", затрагивающих учение о свободе, Екатерина не рабски следует за Монтескье, не механически его переписывает, а делает выборки. Она берет одно и отбрасывает другое. Между заимствованными мыслями она вставляет свои собственные, в заимствованном она очень часто делает изменения. Иногда это – перемена одного только слова, но она изменяет мысль просто до неузнаваемости. Это – ловкая и очень умная компиляция.

Сущность учения, излагаемого в указанных статьях "Наказа", заключается в том, что свобода гражданина обеспечивается сложностью уголовного и процессуального законов и системы наказаний. К этому "Наказ" присоединяет одну мысль, которая тоже взята у Монтескье, но которая у него высказывается не с такой выпуклостью,

как в "Наказе", а именно, что суд должен основывать свои решения на букве закона, не допуская никакого толкования. Об этом Монтескье говорит в XI. 6, 17: "Si les tribunaux ne doivent l'être fixes, les jugements doivent l'être à un tel point, qu'ils ne soient jamais qu'un texte précis de la loi. S'ils étaient une particulière du juge, on vivrait dans la société sans savoir précisément les engagements que l'on y contracte". Мысль эта повторяется почти дословно в статье 129 "Наказа", за исключением начального условного предложения. Но, кроме того, об этом говорит еще статья 98, которой начинается IX глава "Наказа", причем французский текст лучше выражает мысль автора, чем русский перевод: "Le pouvoir du juge doit se borner à la seule execution des lois, afin que la liberté et la sèreté de citoyen ne soient pas incertaines" [36]. Статья эта составлена самостоятельно. А до какой степени доходила тогда самостоятельность Екатерины в тех статьях, которые составлены под влиянием Монтескье, об этом можно судить по статье 485, где читаем: "Il faut punir les calomnieurs" [37]. Источником для статьи послужила 16 глава XII книги: " Il faut rendre justice aux Césars; ils n'imaginèrent pas les premiers les tristes lois qu'ils firent. C'est Sylla qui leur apprit, qu'il ne fallait point punir les calomnieurs; bientôt on alla jusqu'à les récompenser" [38].

Положительная мысль здесь только та, что Сулла уничтожил наказание за клевету: "Наказ" же говорит, не обвиняясь, что клеветники должны подлежать наказанию.

Что Екатерина в упомянутых главах не только имела в виду изложить принципы уголовного и процессуального законодательства, но что она совершенно сознательно ставила эти принципы в связь с учением о свободе, это доказывается целым рядом мест. Говоря о суровых наказаниях или о несовершенных процессуальных порядках, она постоянно характеризует их как насилие (*gouvernement violent*) и тиранию (статья 86, 89–91) или высказывает порицание соответственным законам, действующим в Турции (статьи 111, 119). При этом она во всем следует Монтескье, кроме одного: как и в тех частях "Наказа", которые трактуют о форме правления, Екатерина избегает говорить о деспотии, между тем как слово "тирания" ее не столь смущает. В статье 89 французский текст говорит о тирании, хотя в русском переводе это передано выражением: "мучительское владение". Но для статьи 91 Екатерина берет один абзац из главы 12 книги VI "Духа законов", где говорится о недействительности суровых наказаний, и в заключительной фразе: "les esprits sont corrompus, ils se sont accoutumés au despotisme" [39] заменяет *au despotisme* выражением *à la violence* (русск.: к насилию). Тирания и насилие всегда противоплагаются при этом умеренному правлению (*gouvernement modéré*, статьи 82, 83, 114) или прямо монархии (статьи 102 и 107). Наконец, Екатерина говорит определенно о свободе. Но и здесь она проявляет некоторую самостоятельность, притом довольно любопытную. Монтескье или прямо говорит о политической свободе гражданина, *liberté politique*, или же просто о свободе, но при этом всегда подразумевается политическая свобода. *Liberté civile* [40] означает на его языке совсем другое и противоположное *esclavage civil* [41], т.е. рабству. Екатерина не признает политической свободы, а только одну гражданскую. Французский текст "Наказа" систематически пользуется выражением *liberté civile* или *liberté du citoyen*, в русском переводе этому соответствует "гражданская вольность" или иногда "вольность гражданина". Эту терминологию мы встречаем не только в статьях, составленных самостоятельно, какова, например, статья 98, но и в тех, которые представляют только парафраз Монтескье. Примером такого изменения терминологии, идущей вразрез с учением Монтескье, может служить статья 467, если сравнить с соответственными местами "Духа законов".

Монтескье XII. 4, 1

C'est triomphe de la liberté, lorsque les lois criminelles tirent chaque peine de la nature particulière du crime [42].

Статья 67

C'est triomphe de la liberté civile, lorsque les lois criminelles tirent chaque peine de la nature particulière de chaque crime [43]

Монтескье XII. 2, 1–2

La liberté politique consiste dans la sûreté ou du moins dans l'opinion que l'on a de sa sûreté. Cette sûreté n'est jamais plus attaquée que dans les accusations publiques ou privées [44].

Статья 467

La liberté d'un citoyen n'est jamais plus dangereusement attaquée que dans les accusations criminelles publiques ou privées [45].

Если может быть сомнение, что перед нами вполне намеренное отступление от Монтескье и сознательно продуманная собственная терминология. Это тем более любопытно, что в статье 36–39 главы V "Наказа", составляющих как бы логическое введение к учению о свободе, и взятых почти дословно у Монтескье, два раза встречается термин *liberté politique*, а в русском переводе – *государственная воляность*. Может быть, это оттого, что в этих статьях дается голое определение понятия свобода, а в статьях 67, 79, 98 и других заключается уже самое учение о свободе. Но может быть, что это простой недосмотр автора.

Таким образом, можно сказать, что в учении о политической свободе гражданка (*dans son rapport avec le citoyen*) Екатерина широко воспользовалась сочинением Монтескье, она восприняла все основные его мысли, применила их к своей цели, но проявила при этом и известную долю самостоятельности, показывающей вполне сознательное отношение к вопросу.

Совершенно иное приходится сказать о политической свободе *dans son rapport avec la constitution* [46]. Это учение Екатерина целиком отвергла: в "Наказе" нет такого термина, в котором можно было бы видеть соответствие выражению Монтескье, нет и учения о разделении властей, как формы осуществления политической свободы. Как следует к этому относиться? Приняв один вид свободы и отвергнув другой, не искадила ли Екатерина учение Монтескье? Или же можно признать, что Монтескье сам дает основание к такому видоизменению его теории?

Нужно сказать, что своим учением о двух видах политической свободы Монтескье задал довольно трудную загадку своим толкователям. Вопрос заключается в том, как следует понимать отношение между той и другой свободой. Что значит здесь само выражение: *dans son rapport avec*? [47] Дело представляется так, что если в государстве признается политическая свобода, то это отражается 1) на конституции и 2) положении отдельного гражданина. Следовательно, что есть один вид свободы, там непременно можно должен быть и другой. Но Монтескье сам предупреждает против такого понимания. Может случиться, говорит он, что конституция будет свободная, а гражданин не будет свободен, а наоборот: может быть, что гражданин будет пользоваться свободой, а конституция будет несвободной. В этом случае, прибавляет Монтескье, гражданин будет свободен *de facto*, а не *de jure*.

Эта прибавка, конечно опрометчива, потому что, коль скоро свобода гражданина обуславливается уголовным и процессуальным законодательством, так уже о ней никак нельзя сказать, что она есть чисто-фактическое состояние. Но, затем, если между той и другой свободой нет внутренней необходимой связи, и гражданин может быть свободен и без свободной конституции, то возникает недоумение: нужна ли вообще свободная конституция и разделение властей, и для чего они. Ф.Ю. Шталь [48], и после него Градовский¹⁰ [49] разрешали этот вопрос в том смысле, что свободная конституция, т.е. определенное устройство государственной власти является у Монтескье гарантией свободы гражданина. Но если, по признанию Монтескье, при наличии свободной конституции гражданин может и не быть свободным, то очевидно, что конституция такой гарантии в себе не заключает и, значит, она для свободы не нужна. Далее, как следует смотреть на разделение властей – является ли оно, по мысли Монтескье, единственно-возможной формой обеспечения свободы, или возможны другие формы? Первый ответ находился бы в непримиримом проти-

¹⁰ Парламентаризм во Франции. Соч. Т. III. 147–148.

воречии с коренным убеждением Монтескье о зависимости законодательства от географических условий и от характера народа. Он сам указывает (книга XIV глава 13), что государственное устройство, какое существует, по его мнению, в Англии, наиболее соответствует климату Англии и характеру англичан. А если так, то ничто не препятствует допустить, что при других географических и этнографических условиях возможны иные формы обеспечения свободы, т.е. что возможно государственное устройство, которое обеспечивает свободу и без разделения властей какими-то другими способами. В противном случае мы пришли бы к такому странному выводу, что в республике невозможна политическая свобода, потому что разделение властей, как его рисует Монтескье, предполагает наличие монарха (XI, 6, 36–37). Сам Монтескье, по-видимому, колебался в этом вопросе: с одной стороны, он много раз говорит о деспотизме республики (XI, 6, 8, 9, 12), а с другой – признает республику за один из видов умеренного правления, т.е. такого, в котором полностью или отчасти проведен принцип разделения властей (V, 15, 3, 9; VIII, 8). Наконец, неясно, какое значение имеет разделение властей для монархии, и каково его отношение к юридической конструкции монархии. Монархия без разделения властей есть ли, действительно, монархия? В "Духе законов" можно найти немало мест, где монархия, лишённая разделения властей, рассматривается уже как деспотия. Например, в той же главе (XI, 6), где как раз излагается учение о разделении властей, читаем: " Chez les Turcs, où ces trois pouvoirs sont réunis sur la tête du sultan, il règne un affreux despotisme (абз. 3) [50]. И еще: Les princes qui ont voulu se rendre despotiques ont-ils toujours commencé par réunir en leur personne toutes les magistratures (абз. 11) [51]. Но если это принимать серьезно, то юридическая природа монархии от нас ускользает. Потому что, с одной стороны, по определению Монтескье, монарх является единственным источником власти (II, 4: *la source de tout pouvoir*) и сохраняет за собой пользование всей полнотой власти (XII, 25: *toute étendue de la puissance*), но обычно действует через посредствующие власти (*pouvoir intermédiaire*); с другой стороны, при разделении властей нельзя уже говорить о полноте власти в руках монарха, и, как указывалось в литературе, англичане для торжества свободы уничтожили тем самым "посредствующие власти", которые составляют характерную черту монархии¹¹. В конце концов нужно согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что у Монтескье было не одно, а целых два, и совершенно различных, понятия монархии, и что как все его сочинение представляет несогласованное смешение индукций с чисто рационалистическими построениями, так и в учении о монархии он постоянно переходит от исторических монархий к теоретическому построению понятия о ней¹². Некоторой поправкой его учения о разделении властей являются: 1) понятие умеренного монархического правления, *gouvernement modéré*, где разделение властей проведено не целиком, а только частью, в виде отделения судебной власти (XI, 6, 7), и 2) признание, что политическая свобода может быть обеспечена не одними лишь формами государственного устройства, но и чисто бытовыми условиями (XII, 29), так что государство, оставаясь по форме несвободным, может на деле обеспечивать известную долю свободы. Отсутствие внутреннего единства в теории Монтескье и несогласованность ее частей давали Екатерине полное основание толковать ее по-своему и выдвигать на передний план те же мысли, которые наиболее соответствовали ее собственным убеждениям. Она так и поступила. Она взяла у Монтескье учение о политической свободе гражданина, но отвергла мысль, что разделение властей есть единственная возможная форма ее обеспечения. Вследствие этого понятие политической свободы *dans son rapport avec la constitution* оказывается уже излишним.

¹¹ Salazzi I. Dottrine politiche del Montesquieu es del Rousseau. 1907. С. 146–152. См. "Дух законов" II, 4, 8.

¹² Salazzi. С. 152 и сл. Dunning. A History of political philosophy, 1902. II 429; Koch I. Beitrage zur Geschichte der politischen Ideen. I. 170–175.

Екатерина твердо усвоила мысль Монтескье о соответствии государственного устройства географическим условиям и характеру народа, последовательно проводя эту точку зрения, она утверждает, что России свойственны свои особые способы обеспечения свободы. "Естественному положению" России (*situation naturelle*) и "расположению народа" (ст. 5) наиболее отвечает монархия, всякое другое проявление было бы для России вредно (ст. 11). В статьях 18 и 19 Екатерина дословно приводит указанную выше мысль Монтескье (II. 4, 1), что монарх есть единственный источник власти, и что в монархии не может существовать никаких учреждений, *pouvoirs intermédiaires*, кроме подчиненных монарху и зависящих от него. Действительное разделение властей, значит, в России невозможно. В статье 149, составленной самостоятельно в отношении Монтескье, определено сказано, что государь держит в руках "всю власть", и потому он один только может издавать законы. Статьи 13 и 14, составленные столь же самостоятельно, утверждают, 1) что в природе монархии не заключается ничего такого, что бы уничтожало совершенно свободу, и 2) что наименьшее ограничение свободы следует ожидать от такого правления, которое наиболее соответствует разумным условиям. Получается опять желательный для императрицы вывод по отношению к России. Остается только еще неясным, благодаря чему устанавливается в монархии свобода. Для ответа на этот вопрос Екатерина пользуется главой 7 книги XI "Духа законов" и почти буквально выписывает оттуда статьи 15 и 16 "Наказа": цель монархии составляет слава государства, и эта слава порождает *дух свободы*, *esprit de liberté*, который в этой форме правления может дать больше, чем сама свобода. Монтескье высказал эту мысль, сравнивая Англию, для которой свобода является целью, с другими монархиями (*les monarchies que nous connoissons*), где она оказывается в результате стремлением к совсем другой цели. Екатерина же применила эту мысль к России. По ее убеждению, забота о славе России непременно удержит верховную власть от всего такого, что противно "естественной вольности". Это не политическая свобода в смысле гарантии, какую дает то или иное устройство власти, но это – дух свободы.

Те исследователи, которые склонны думать иначе, т.е. что Екатерина взяла от Монтескье и разделение властей, указывают на отделение судебной власти, которое довольно последовательно проводится в "Наказе". В черновых материалах к "Наказу" встречается буквальная выписка из Монтескье тех мест, где у него говорится об отделении судебной власти от законодательной¹³, но в окончательную редакцию эти выписки не вошли. Окончательная редакция понимает отделение судебной власти далеко не в том смысле, как это устанавливал Монтескье. В главе XI книги он говорит о суде присяжных, который является политически не зависимым от двух других властей (абз. 13), а там, где он имеет в виду континентальную монархию, главным образом – французскую, он также понимает не зависимость судебной власти, обеспечиваемую покупкой судебных должностей (V. 19). В "Наказе" же отделение судебной власти проводится только в смысле запрещения переносить дело к государю (ст. 99) и в смысле отделения суда от полиции (ст. 562 и след.). Но о независимости суда от власти монарха нет речи. Следовательно, и здесь нельзя говорить об обеспечении свободы особой политической организацией. Только в одной статье "Наказа" проскальзывает мысль о политическом обеспечении свободы: в статье 39 буквально выписаны слова Монтескье из XI. 6 *pour qu'on ait cette liberté, il faut que le gouvernement soit tel* [52] и т.д. Но любопытно и замечательно, что в русском переводе это выражение заменено другим: "надлежит быть закону такову". Это, следовательно, чистый недосмотр, который еще сильнее подтверждает, что автор "Наказа" резко разошелся с Монтескье в вопросе о политической свободе.

Итак, составление статей "Наказа", в которых излагается учение о формах правления и о политической свободе с соответственными частями учения Монтескье пока-

¹³ Акад. изд. С. VIII, XXII и др.

зывает, что Екатерина вовсе не следовала рабски за своим учителем. У нее, очевидно, были соответственные убеждения, которые, может быть, только уяснились при чтении Монтескье. Поэтому она не могла принять теорию Монтескье в целом виде. Она одно взяла, другое отвергла, третье переделала по-своему. В результате получилось другое учение, не очень оригинальное, но более или менее цельное, которое с учением Монтескье имеет много точек соприкосновения, но не совпадает с ним во всех частях. Екатерина не обобрала Монтескье. Вообще ее деяние не подходит ни под один параграф уголовного кодекса. Это чисто научная и литературная работа.

Примечания

1. Обширная империя предполагает деспотическую власть того, кто ею правит. Нужно, чтобы скорость решения дел компенсировала отдаленность мест, куда они посылаются.
2. суверенный, в "Наказе" переводится как самодержавный (*фр.*)
3. установленным законам (*фр.*)
4. без закона (*фр.*)
5. Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть не может действовать сходно со пространством толь великого государства.
6. в монархическом государстве
7. <...> лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим.
8. "Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит"
9. в деспотических государствах совсем нет законов
10. "Монархи, которые подчиняются основным законам своего государства, счастливее тех деспотических государей, у которых нет ничего способного управлять сердцами их подданных и даже собственным сердцем".
11. Как законы соотносятся с принципом деспотического правления
12. В государствах, где нет основных законов, не может быть твердого порядка наследования власти
13. "О соответствии законов деспотического правления их принципу"
14. не нужно много законов
15. Монархическое правление не допускает таких же простых законов, как деспотическое.
16. почти совсем нет законов
17. власть одна и та же
18. в деспотическом государстве, где совсем нет основных законов, нет также и хранилища законов
19. В деспотическом правлении власть вся полностью передается в руки того, кому ее доверяют. В монархическом государстве власть применяется менее непосредственно, монарх, давая ее, ее ограничивает.
20. по модели
21. монархия выродилась бы в деспотизм
22. Тарквиний Гордый, Луций Тарквиний Гордый (Lucius Tarquinius Superbus) согласно римскому преданию, последний царь Древнего Рима (в 534/533–510/509 до н.э.). Пришел к власти, убив Сервия Туллия; изгнан римлянами.
23. несовершенноправное правление (*фр.*)
24. стремится выйти из состояния деспотизма
25. в ее отношении к государственному устройству
26. в ее отношении к гражданину
27. свобода состоит только в том, чтобы позволять делать то, что должно хотеть
28. свобода – право делать все, что дозволено законами.
29. Констан де Ребек (Constant de Rebecque) Бенжамен Анри (25.10.1767, Лозанна, – 8.12.1830, Париж), французский писатель, публицист, политический деятель. Во время Великой французской революции выступал и против роялистов, и против якобинцев, в 1796 – в поддержку Директории. В 1799–1802 член законодательного Трибунала. В 1803–14 в эмиграции. В 1814, после реставрации Бурбонов, вернулся во Францию. Автор автобиографического романа "Адольф", "Принципы политики, пригодные для всякого правления". "О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей". В своих сочинениях развивал идеи буржуазного либерализма; идеалом государственного устройства считал конституционную монархию по английскому образцу. См. подробнее в сб. Французский классический либерализм. М., 2000.
30. Ничего не должно запрещать законами кроме того, что может быть вредно или каждому особенно, или всему обществу
31. Когда религия осуждает то, что гражданские законы должны допускать, опасно, чтобы гражданские законы не позволили со своей стороны то, что религия должна осуждать. Первый случай показывает всегда недостаток гармонии и правильности в идеях, что распространяется и на второй.
32. Всякий раз, когда мы запрещаем дело естественным образом позволительное или необходимое, мы только побуждаем делаться бесчестными тех, кто им занимается.
33. Законы, побуждающие смотреть как на необходимое на то, что является, на самом деле, безразличным, имеют то неудобство, что заставляют рассматривать как безразличное то, что необходимо.

34. О законах подробно
35. Разные статьи, требующие изъяснения
36. Власть судебная состоит в одном исполнении законов, и то для того, чтобы сомнения не было в свободе и безопасности граждан
37. Надлежит наказывать клеветников
38. Нужно отдать справедливость цезарям, не они выдумали первые мрачные законы. Именно Сулла их научил, что не нужно наказывать клеветников, скоро дошли до того, что клеветников начали награждать.
39. Умы развращены, они приучены к деспотизму.
40. гражданская свобода
41. гражданскому рабству
42. Свобода торжествует, когда уголовные законы выводят всякое наказание из частного вида преступления.
43. Гражданская вольность тогда торжествует, когда законы на преступников выводят всякое наказание из особого каждому преступлению свойства
44. Свобода политическая заключается в безопасности, или, по крайней мере, во мнении, что мы в безопасности. Эта безопасность более всего подвергается нападениям при обвинениях публичных или частных.
45. Вольность гражданина ни от чего не претерпевает большего нападения, как от обвинений судебных и сторонних вообще
46. в ее отношении к государственному устройству
47. в отношении к
48. Шталь Фридрих Юлий (1802–1861) – германский юрист и политический деятель. В течение многих лет возглавлял кафедру государственного права в берлинском университете. Одной из основных работ является "Philosophie des Rechts" (1830).
49. Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889) – юрист-государствовед. Важнейший труд Градовского – "Начало русского государственного права". Труды Градовского по государственному праву иностранному – "Германская конституция" (т. I – 1875 и II – 1886); статьи, посвященные сравнительному обзору систем местного управления ("Сборник государственных званий", т. V и VI); "Государственное право важнейших европейских держав. Часть историческая" (1886). Труд Градовского "Начала русского государственного права" является первым серьезным опытом систематического изложения основ русского государственного права.
50. "у турок, где эти три власти объединены в лице султана, царствует ужасный деспотизм"
51. Государи, которые хотели стать деспотами, всегда начинали с того, что объединяли в своем лице все магистратуры
52. Чтобы иметь эту свободу, правление должно быть таково и т.д.

*Подготовка текста и публикация
Т.В. Чумаковой и А.А. Златопольской*